

Владимир Васьковцев

Торжественная меланхолия

Малая театральная энциклопедия

Диалог

– Ну всё, всё, куда ни кинься, с кем ни говори, всё, всё без исключений соткано из противоречий! Больших и мелких! – жаловался заместитель директора научного института артисту областной филармонии.

Артист кивал, угугукал, но, по-видимому, внутренне отсутствовал. Слушал, не слыша. Как он обычно поступал, повторяя в уме перед выходом на сцену свои сатирические монологи.

Дело было в санатории.

Заместителю директора научного института, слушают его или нет, жизненно полезно было выговориться, вытащить из головы занозу.

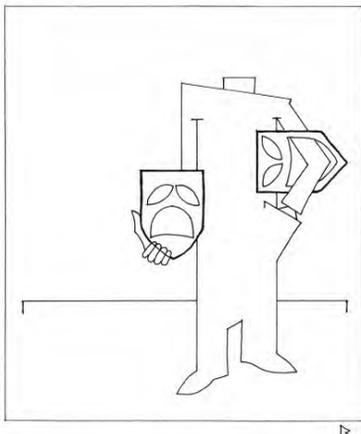
– Я говорю. Вы говорите. Мы говорим. Все говорят, – выразительно жестикулировал замдиректора, будто и он артист областной филармонии. – Я спорю. Вы спорите. Мы спорим. Все спорят. Каждый со всеми. Все вместе – с каждым. И с заграницей... Что доказал ты им? Ничего. Что они тебе? Ни-че-го. Что все доказали друг другу?.. А хотели же. Но проклятые противоречия!..

«Дай-ка и я скажу, облегчусь», – очнулся артист.

– Стоит в обеденный перерыв взять в руки книгу, кто ни пройдет мимо, обязательно спросит: «А что ты читаешь? А зачем оно тебе надо?!». И уже не до чтива. Стоит задуматься, сразу вопрос: «О чем думаешь?..». И сбивают с мысли...

Теперь замдиректора научного института угугукал, кивал головой, но не слышал ни слова.

– ...Попробуй заговорить с кем-то посторонним, сослуживцы тут как тут, ревнуют, ухом вперед подступают. Любопытствуют неистово, – с волнением говорил о насущном филармонический артист. – А как только бросишь книгу, бросишь думать, бросишь с посторонними людьми общаться, тотчас к тебе пропадает всякий интерес, будто и нету в живых... Ну все, куда ни повернись, что ни делай, – все, все соткано из противоречий!

– И я об этом. Я начал с этой мысли, – очнулся-встрепенулся замдиректора.

– Да?.. Знаменательно. Ни вы меня, ни я вас не слышим, а вывод сделали аналогичный!

– Извините, приму лекарства. Время подоспело.

Филармонический артист полюбопытствовал:

– Что, если не секрет, пьете?.. То есть глотаете?

– Обнадеживающий препарат. Буквально месяц назад министр предложил. Прочтите листок-вкладыш и все поймете, – протянул бумажку замдир, заглатывая две капсулы.

– «Показания к применению»... – со всей серьезностью вгрызся в текст филармонист. – Так, понятно... «Способ применения и дозы» – понятно. «Побочные действия» – так, так, так... «У отдельных больных возможны желудочно-кишечные расстройства (тошнота, рвота, понос, желтуха, головная боль, аллергия...)» Понятно... В общем, как всегда.

– Главу «Противопоказания» пропустите, не тратьте понапрасну времени. Ничего там про нас нет. Противопоказано грудным детям и беременным женщинам, а нам – пожалуйста, можно. Сколько влезет. Повезло!

– Уважаемый, прикосновение к лечебной теме меня и вас как-то сблизило – слушаем и понимаем друг друга... По-моему,

прекрасно! – трижды сплюнул через левое плечо артист филармонии, чтоб не сглазить.

– Да, дорогой, замечательно. Но если вы, как я, станете ежедневно глотать эту мерзость, есть угроза сблизиться еще больше. Где это место?.. Ага, вот оно: «...У больных, применяющих препарат, моча, слезы, мокрота приобретают оранжево-красный цвет». Конец цитаты. Большого родства душ и быть не может; не только говорить на общелечебные темы, даже плакать и писать станем одной краской!.. – отказался от предложенного единения замдир, памятуя, что мир и все-все-все соткано из противоречий. И это неизбежно.

Жнец

– Прошу подняться на сцену Николая Николаевича Николаева!

На сцену взобрался маленький, худенький, никакой человек с никаким лицом.

– Удивил общественность. Спасибо! – сказал ведущий собрание Сергей Сергеевич Сергеев, потряс Николаеву руку и вручил конверт с денежной премией.

И тогда с Николаевым случилась странная вещь: его уши покраснели, увеличились и оттопырились в сторону зала. Он перестал суетиться. В него вдруг – непонятно каким образом – вошло самодовольство. Николаев вывернулся на каблуках к сослуживцам, прижал ручки к груди и *поклонился!*

Через... дай бог памяти – не помню сколько дней... – открывали новый отдел. Натянули поперек входа ленточку, чтобы, как водится, торжественно ее перерезать.

Сергей Сергеевич Сергеев обратил внимание, что кто-то настойчиво протискивается из задних рядов в передние...

В самый момент разрезания в центре внимания объявился Николаев, выхватил из нагрудного кармана ножницы и *разрезал сам!*

Едва треснул в воздухе первый хлопок аплодисментов, Николаев широко раскрыл руки, даря свое тщедушное тело присутствующим, и отвесил глубокий поклон всем вместе и каждому в отдельности, как это делают маститые сценические знаменитости.

Опомнившись от внезапно-го шока, Сергеев взорвался, как пороховой склад – шумно, дымно, вверх и в стороны.

– Кто ты такой?! Судом демократического мнения! Самозванец, а не добросовестный труженик!

– Честное слово, больше не буду! – улаживая скандал, поклялся ему в ухо Николаев.

Сергей Сергеевич Сергеев в свободное время руководил энтузиастами местного драмкружка, ставил спектакли и талантливо в них выступал.

Однажды отворилась дверь, и перед ним предстал крошечный Николаев.

– Разрешите выступить, – попросил.

– Разрешаю... – оторопев, согласился Сергеев.

Николай Николаевич Николаев сделал три шага вперед, виртуозно, кстати сказать, поклонился и застыл в ожидании.

– Это все?.. – поперхнулся Сергеев.

Николаев, как чужестранец с древней загадкой, еще раз, еще более эффектно, с вывертом, поклонился и вышел вон.

Следом вылетел в коридор Сергеев.

– Я от тебя с ума сойду! Что ты хотел этим сказать?..

– Наиглавнейшее в любой профессии – поклон! – открылся наконец Николаев. – Ведь, например, артист нравится не за то, как играет, а за то, как любит публику. Я ее люблю...

– погоди, – перебил Сергеев, – а работать, лень бороться, не спать ночами, совершенствоваться, искать смысл?.. Поклон – суета, чушь собачья!

– Не скажите. Например, приду я в следующий раз на премьеру. Вы потрудитесь на сцене, а я выйду и поклонюсь...

– Свинством с твоей стороны будет...

– ...Публика зашушукает: «Кто такой?» – спросят одни. «Николаев!» – ответят другие. «При чем здесь он?» – спросят первые. «Мастер поклонов!» – ответят им. «Самозванец!» – возмутятся первые. «Но зато какой! Какой неожиданный и милый!» И почти все цветы – мои.

– Внутренний паразит ты! Раб тщеславный! – навалившись всем телом, припечатал его к коридорной стене Сергей Сергеевич Сергеев.

– Больше не буду!.. Извините... Честное слово! – извиваясь, выкручивался расплющенный Николай Николаевич Николаев.

Но по глазам было видно, что врет. Врет, мерзавец, будет!

Скажите, пожалуйста...

– Скажите, пожалуйста, – робко обратился артист эпизода Федор Андреевич к ведущему артисту Демиденко. – Я грим придумал. Похожий?

– На кого? – пробасил Демиденко.

– На Петра Первого!

– Ну, ты даешь!.. Смело...

– Смело! Я так и думал, – обрадовался Федор Андреевич.

Через минуту он пристал к Демиденко с другим важным вопросом:

– Скажите, пожалуйста, двадцать килограммов краски здесь есть?

Демиденко передернуло, но отказать ветерану сцены не смог. Взвесил бидон в руке.

– Двадцати килограммов нет.

– А сколько? Больше или меньше? – уточнил Федор Андреевич.

– По-моему... *Меньше*.

– Меньше! – всплеснул руками Федор Андреевич. Одна нога здесь, другая там, слетал в магазин за краской. – Добавил! Проверьте, пожалуйста, не откажите... Ну как? Мне нужна точность, как в аптеке. По системе Станиславского...

– Федор Андреевич, дорогой, перелил. По-моему... *Больше*.

– Что ты скажешь, чутье потерял! – раздосадовался артист эпизода. Убежал и тут же вернулся: – А теперь? Я вас прошу! Не сердитесь...

– По-моему... А сколько надо?

– Ровно двадцать! Именно синюю заказал режиссер.

– По-моему... Я бы не сказал двадцать, я бы сказал...

– Только не это! Синей краски в магазине больше нет, всю купил! – запротестовал Федор Андреевич.

– Тогда норма. С точностью до грамма! – грохнул бидоном об пол Демиденко и ускользнул в дальний угол сцены зубрить главную роль.

– Скажите, пожалуйста, – настаивает Федор Андреевич, – текст у меня имеется. Как лучше, тонким голосом или толстым, поглубе?

– Ух ты ж, Федор Андреевич, и приставучий... – едва сдержался, чтоб не рявкнуть, Демиденко. – Быстро показывай, пока мое терпение не лопнуло!

Федор Андреевич, торопясь, тонким и толстым голосом пропищал и прорычал: «Крашу одуванчики! Кому покрасить одуванчики? Подходи!..».

– Удивительно, дорогой! За душу берет... Только отстань от меня, уйди куда-нибудь, ради всего святого! Мне работать надо!

Федор Андреевич ушел.

– Ты кто? – не узнал его режиссер.

– Я Федор Андреевич в гриме Петра Первого, – назвался он. – А это – бидон с синей краской, как вы придумали по системе Станиславского, вес – с точностью до грамма. Голос берет за душу. Грим смелый. Так сказал про меня ведущий артист Демиденко.

– А-а-а-а!.. – узнав, простонал режиссер, скривившись, как от вселенской боли. – Это мне наказание за все грехи сразу... Ладно. Ты хороший, правильный человек, но я уже не могу тебя видеть. Стань где-нибудь там... Подальше где-нибудь.

– Скажите, пожалуйста... – с неугасимым энтузиазмом попробовал уточнить еще какую-то деталь Федор Андреевич.

– И никаких вопросов! Молчи истуканом. Иначе премьеры никогда не состоится, или я до нее не доживу! Замри и не дыши!

Федор Андреевич прижал палец к губам, понимающе кивнул, на цыпочках прокрался, куда было велено, и застыл, как каменный кропотливый страж *театра* с бидоном синей краски у ног.

Распределение

Моя профессия – режиссер.

Меня пригласили на постановку в известный театр.

Я предложил новую пьесу.

Прочитал вслух всей труппе.

Я ответил на возникшие и предупредил возможные вопросы.

Я понравился.

Внимательно просмотрел несколько спектаклей театра и выяснил картину:

работать можно, есть хорошие артисты.

И вот решающая встреча с главным режиссером.

Он спрашивает:

– Ну как?

Я отвечаю:

– Работать можно. Есть хорошие артисты.

Я излагаю ему – как и ради чего буду городить огород.

Ему это безразлично.

Он не без коварства спрашивает:

– А какой из наших спектаклей произвел на вас наибольшее впечатление?

– Всюду чувствуется твердая рука и единый стиль, – суммирую я.

И это правда. Я не вру.

Он кивает. Он доволен собой. Его волшебство накладывает уникальный отпечаток на все, что видно из зрительного зала. Я тому живой свидетель.

Переходим к главному вопросу, к распределению ролей, кто из артистов кого будет играть.

– Сарайкин с ролью не справится! – тут же возражает он против первого названного мной кандидата.

– Я с ним поработаю. Я из него вытяну, вытрясу, выжму! – защищаю самого способного артиста.

– Кроме того, он в воспитательных целях наказан, – холодно прерывает главреж. – Кто следующий?

– Артист Комендантов...

– Тоже наказан сроком на один год.

– Может, скостите для дела?

Может, условно...

– Определенно! От звонка до звонка!

– За что же вы их? – изумляюсь я.

– За все! – отрезает художественный руководитель.

– А как вы смотрите на кандидатуру артиста Несмеянова? – упорно перечисляю, не теряя надежды.

– Кем вы его видите?

– Хорошо вижу.

– И напрасно. Кое-что он, безусловно, умеет... К сожалению...

А то, что вам видится, – неправильно.

– Откуда вы знаете?! – взъерошиваюсь я.

– Вы бы не спорили, – начинает раздражаться руководитель. –

Кого еще предложите?

– Бобошкина, с вашего позволения, – иронизирую я, будучи уверенным, что уж Бобошкин-то не нужен никому, мне в том числе...

– Забудьте его фамилию! – грозно одергивают меня.

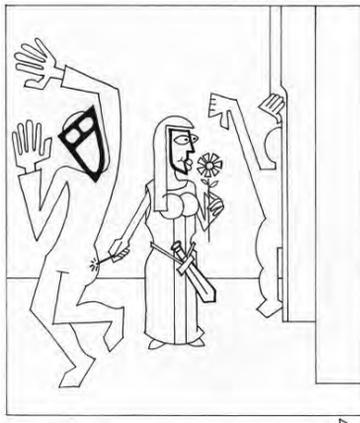
– А его на сколько?

– Бессрочно. Вплоть до увольнения!

Я бескомпромиссно вскакиваю.

Я выхожу на улицу.

Поперек дороги – группа артистов вверенного ему театра, сплотившаяся возле внутрицехового анекдотчика.

При виде меня расступаются.
Вместо приветствия двусмысленно отводят глаза...

Поздно вечером раздается телефонный звонок.

- Успокоились? - примирительно тлеют интонации главрежа. - Привыкайте, у меня твердые принципы: даю плохому - значит, так надо, не даю хорошему - значит, не заслужил! Записывайте, диктую своих кандидатов: артист Буратинов на главную роль...

- С фиолетовым лицом? Которого грим не берет?

- ...Артист Туманов, трагик, злодей, профессионал...

- Помню-помню, прозрачный такой. Да-да, очень тонкий артист, тонкий и прозрачный, насквозь видно, что откушал накануне спектакля. Такой злодей, что если ему не поддаться - померет от страха.

Главреж глух и неумолим.

- Пишите дальше: артист Стоянов...

- Наказан! - потеряв терпение, в тон ему импровизирую я.

- Да вы что, молодой человек, - взрывается главреж, - возражаете?!

- Кстати, и вы у меня с сегодняшнего дня наказаны!

- Как?! - растерялся худрук.

- Сурово! - нагнетаю ситуацию. - От звонка до звонка!

- За что?!

- В воспитательных целях, маэстро. Я изучил ваш гороскоп, это серьезно, это злободневно, это космическое, это говорит Абсолют, это звездный приговор без права на реинкарнацию, на следующую полноценную жизнь!

- Н-на сколько?.. - ничего не понял, но все равно испугался главреж.

- Думаю, что навсегда!
- И в следующей жизни я не стану главным режиссером даже какого-нибудь затрапезного театришка?.. Это действительно конец.
- Вас разлюбили звезды...
- Полный кошмар!

Премьера премьер

Празднично и ярко освещенное здание театра.

Вместо привычного «На сегодня все билеты проданы» красуется «Свободных мест нет!».

Директор театра и женщина-администратор радушно встречают входящих, раскланиваются с каждым и говорят приветливое: «Здрасьте!».

Продолжая улыбаться, администратор шепотом обращается к директору:

– Куда же мы всех посадим? Места в зале кончились!..

Но директор улыбочиво приветствует гостей:

– Здрасьте, Василий Тимофеевич! Добрый вечер, Степанида Денисовна! А вы, простите...

– Мы от Рудольфа Елизарыча...

– Мы от Леди Акакиевны...

– Мы от Елисеева...

– Конечно-конечно! Ждали, – радостно восклицает директор.

– Будет скандал, – в последний раз предупреждает администратор.

Зрительный зал наполняется публикой. Многие, как давние добрые знакомые, раскланиваются друг с другом. «Здравствуйте-здравствуйте, здравствуйте все!» – излучают тепло их ясные глаза и представительные фигуры.

Администратор за кулисами поторапливает артистов:

– Можете не успеть, сейчас начинаем.

В гримборной, сбрасывая рыцарские доспехи, артист Клименко удивляется артисту Угарову:

– Чего не торопишься? Опоздаешь, брат. Придешь ты или не придешь, все равно начнут вовремя.

– Этот спектакль мне не нравится. Я принципиальный противник! – вспылал Угаров, грохнув железной перчаткой в стальной наколенник металлического костюма, прогнув его и нанеся себе травму.

– Ну и сиди, консерватор! – Клименко в концертных одеждах выпорхнул из гримуборной. Расталкивая артистов, под зов третьего звонка мчится к сцене.

Зрители расселись по местам.

Зааплодировали, поторапливая с началом.

Вот торжественно пошел вверх тяжелый занавес и открыл сцену...

...На переполненной сцене плотной массой ряд за рядом, вплоть до самого задника, с нескрываемым любопытством взирает на пространство зала тьма-тьмущая людей. Зрители на сцене приветствуют аплодисментами зрителей в зале. И те, и другие думают, что настоящий зрительный зал там, где сидят они...

– Мне рассказывали, что в спектакле занято всего пять артистов, – жужжит тучная женщина тучному мужчине. – Мы туда попали?..

И тут неожиданно-негаданно в лучах прожекторов из глубин оркестровой ямы возникает фигура директора театра.

– Дорогие друзья, дамы и господа! – торжественно обращается директор в равной степени к залу и к сцене. – Мы бесконечно рады видеть вас в стенах нашего дома. Очень прошу, пожалуйста, ничему не удивляйтесь. Сегодня у нас эксперимент. Как модно нынче говорить, спектакль-эксперимент, который, как идея, давно витал в воздухе.

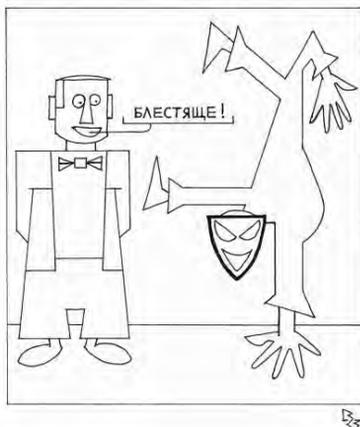
Угаров ворчит в гримерке, растирая травмированное колено:

– Я – артист, им и останусь. Только артист! Не нравятся мне ваши новации, я профессионал другой школы...

Директор твердо продолжает, переходя к сути дела:

– Случилось непредвиденное, наш ведущий артист, участник запланированного на сегодня спектакля, внезапно вышел

из строя. Мы вывесили объявление о его неожиданной болезни, но объявление украли неугомонные поклонницы пострадавшего, с которыми ничего нельзя поделать... И вот тогда... – директор на секунду придержал монолог, дабы сконцентрировать абсолютное внимание, и торжественно вышел из глубокого виража интригующей паузы на финишную прямую: – И тогда я окончательно решил на вышеупомянутый эксперимент, *спектакль без единого актера*. Смотрите, вот он! А вы – самые первые свидетели!

Зрители из зала недоверчиво смотрят на зрителей на сцене, а те со сцены пучат глаза на зрителей в зале... и, кажется, лишь теперь кое-как понимают сложность положения, в которое попали.

Угаров в гримерке увеличивает громкость трансляции со сцены, начинает торопливо переодеваться. С грохотом летят на пол доспехи.

– Помянете мое слово, кончится скандалом, поразят нас в незащищенные места острым критическим словом... Вот увидите...

Директор с хорошими манерами, из бывших артистов, рокошет, постепенно заполняя пустоты пространства, заставляя звенеть люстру и чутко дребезжать посуду в театральном буфете:

– *Спектакль без единого актера!* Полная свобода вашего самовыражения, никаких противоестественных помех. Никакой заумной драматургии! Никаких авторитетов! А теперь позвольте объяснить правила игры в театре-эксперименте, – гремит директор. – Итак, в зале – самые талантливые люди в городе, каждый в своем роде, конечно, а на сцене, представьте себе, самые нужные люди в городе. Наше действие, или спектакль, называйте

как хотите, ждет не дождется своего рождения. Так давайте же! Начнемте!

Артист Угаров высунулся сбоку, из-за кулисы, и вызывающе выкрикнул:

– Полжизни стою в льготной очереди... и никаких перспектив!

– Запишите мой телефон, – жестоким басом ответили со сцены, презрительно фыркнули и вместо номера телефона назвали сумму тайных сбережений артиста Угарова.

– Нужна одна недорогая путевка, всего одна, а говорят, их нет в природе, туда их нет! – протрадал привлекательными обертонами глубоко проникновенный женский голос.

– Встаньте и всесторонне покажитесь! – подсказал директор театра. – Так принято в приличных домах.

– Будет! – заверили со сцены. – Все вам будет!

Раздались первые аплодисменты.

Театр давно нуждался в обращении к импровизации, к конкретной злобе дня.

Вот и дождался.

А в следующий раз самые нужные люди города усядутся в мягкие кресла зала, а самые талантливые в своем роде – на сцене, то есть поменяются местами. Затем опять поменяются местами...

Чем плохо?

Афиши печатаются, перепечатываются, расклеиваются – стен не хватает!

Рисунки автора

